

DOI: 10.22363/2313-2299-2025-16-3-656-670

EDN: DKBZJN

УДК 811.161.1'37

Научная статья / Research article

Фразеологизмы с интенсифицирующей семантикой в русском языке: динамический аспект

Е.И. Зиновьева , Е.К. Николаева , Е.И. Селиверстова

Санкт-Петербургский государственный университет, *Санкт-Петербург, Российская
Федерация*

e.seliverstova@spbu.ru

Аннотация. Актуальность изучения устойчивых единиц с интенсифицирующей семантикой, указывающих на интенсивность проявления признака или протекания действия, а также фразеологизмов, образованных по модели «*do* + существительное в Р.п.», определяется тем, что это одна из активно пополняемых групп оборотов в русском языке новейшего периода. Эти единицы вызывают затруднения при лексикографическом, и в частности идеографическом, описании в силу семантического синкретизма — совмещения прямого значения с новым интенсифицирующим и невозможности их четкой дифференциации в контексте. Согласно данным исторических словарей, семантическая особенность оборотов проявляется уже на этапе формирования национального языка. В статье показано, как и в каких разрядах устойчивых словесных комплексов русского языка проявляется в XVI–XVII вв. интенсифицирующая семантика, представлены изменения, претерпеваемые устойчивым сочетанием *до смерти* на пути закрепления в его значении интенсифицирующего компонента. Обращение к контекстам Национального корпуса русского языка конца XX — начала XXI вв. и подготовка материалов словаря новейшей фразеологической неологии позволяют констатировать, во-первых, продуктивность использованной во фразеологизмах структурно-семантической модели и существенное увеличение количества подобных единиц с интенсифицирующей семантикой. Во-вторых, отмечается использование фразеологизмов-интенсификаторов в разных тематических сферах и расширение круга глаголов-сопроводителей при наречных оборотах, что свидетельствует о предельной концентрации в семантике устойчивой единицы интенсифицирующего компонента. В-третьих, активность использования интенсификаторов в контекстах разной стилистической окраски говорит о переходе некоторых из них из пласта просторечных единиц в разговорные. В целом эти явления свидетельствуют об общей тенденции к экспрессивизации речи современников.

Ключевые слова: интенсифицирующая семантика, динамика, идеография, исторический аспект, современный взгляд, лексикография

Вклад авторов: вклад авторов равнозначен на всех этапах исследования и подготовки текста статьи.

© Зиновьева Е.И., Николаева Е.К., Селиверстова Е.И., 2025

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Финансирование: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-18-00141, реализуемый в Санкт-Петербургском государственном университете).

Заявление о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи: дата поступления: 12.12.2024; дата приема в печать: 15.03.2025.

Для цитирования: Зиновьева Е.И., Николаева Е.К., Селиверстова Е.И. Фразеологизмы с интенсифицирующей семантикой в русском языке: динамический аспект // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2025. Т. 16. № 3. С. 656–670. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-3-656-670>

Phraseologisms with Intensifying Semantics in Russian: Dynamic Aspect

Elena I. Zinovieva , Elena K. Nikolaeva , Elena I. Seliverstova

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

 e.seliverstova@spbu.ru

Abstract. The relevance of the study of the discharge of stable units with intensifying semantics, indicating the intensity of the manifestation of a sign or the course of an action, as well as the study of phraseologisms formed according to the model “up to + noun in Gen.” is determined by the fact that it is one of the actively replenished groups of phrases in the Russian language of the newest period. These units cause difficulties in lexicographic, and in particular ideographic, description due to semantic syncretism — combining direct meaning with a new new intensifying meaning and the impossibility of their clear differentiation in context. According to the data of historical dictionaries, the semantic feature of turns is shown already at the stage of the formation of the national language. The article shows how and in what categories of stable verbal complexes of the Russian language is manifested in the XVI—XVII centuries intensifying semantics, presented changes that undergo a stable combination up to death on the way to consolidation of intensifying component in its meaning. Appeal to the contexts of the National Corps of the Russian language of the late XX — early XXI centuries and the preparation of materials for the dictionary of the latest phraseological neology, allow us to state, firstly, the productivity of the structural-semantic model used in phraseology and a significant increase in the number of such units with intensifying semantics. Secondly, the use of intensifier phraseologisms in a wide variety of thematic areas and the expansion of the circle of accompanying verbs at adverbial phrases are noted, which indicates the maximum concentration in the semantics of a unit of the intensifying component. Thirdly, the activity of using intensifiers in contexts of different stylistic coloring indicates the transition of some of them from a layer of vernacular units to colloquial ones. In general, these phenomena indicate a general tendency to expressivize the speech of contemporaries.

Keywords: phraseology, intensifying semantics, dynamics, ideography, historical aspect, modern view, lexicography

Authors' contribution: the authors contributed equally to this article and preparation of the article text.

Funding: the research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation (project No. 23-18-00141, implemented at St. Petersburg State University).

Conflicts of interest: the authors declare no conflict of interest.

Article history: received: 28.12.2024; accepted: 15.03.2025.

For citation: Zinovieva, E.I., Nikolaeva, E.K., & Seliverstova, E.I. (2025). Phraseologisms with Intensifying Semantics in Russian: Dynamic Aspect. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 16(3), 656–670. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2025-16-3-656-670>

Введение

Интенсивность как функционально-семантическая категория давно интересует исследователей и рассматривается ими на материале различных языков (см. [1–4] и др.). Интерес к ней усилился в настоящее время благодаря антропоцентрическому вектору в науке, обращенному к возможностям экспликации на уровне языка и речи особенностей человеческого мышления и познания. Опираясь на триединство «качество — количество — мера», категория «интенсивность» постоянно дает о себе знать в речевой деятельности [5. С. 3, 10]. Как пишет В.И. Карасик, «человеческое общение полифонично и предполагает, помимо передачи информации, функцию поддержания контакта» и выражение позиции автора речи, включая такие смыслы, как интенсивность протекания действия, проявления признака и т.п. [6. С. 258].

Языковая категория интенсивности, «реализуемая с помощью универсального языкового смысла ‘очень’» [7. С. 300], располагает целым рядом экспрессивных средств для выражения своего категориального назначения, среди которых приоритетное положение занимают лексика и фразеология. Фразеологические единицы (далее — ФЕ) с интенсифицирующей семантикой традиционно исследуются в связи с категориями градуальности, экспрессивности, усилительности и во многом — при обращении к процессам их индивидуально-авторского преобразования. Об интересе к данному разряду ФЕ свидетельствуют научные статьи и диссертационные исследования (см., в частности: [8–11] и др.).

Критерием выделения фразеологизмов с интенсифицирующей семантикой является наличие в их толковании наречий или прилагательных со значением степени: *очень, сильно, крайне, сильный, крайний* и под. Такие обороты сочетают в своем значении кваликативные или градуальные денотативные семы и коннотативные, экспрессивно-оценочные. В.М. Мокиенко считает, что «...у фразеологизма номинативное растворено в экспрессивном, подчинено ему. Эти две стороны языкового знака во фразеологизме синкретичны, тогда как в лексике (особенно неэкспрессивной) — дифференцированы, разъединены» [12. С. 211]. Полагаем, что семантика интенсивности специфична для каждого семантико-грамматического разряда ФЕ в каждый из исторических периодов функционирования языка — следовательно, и соотношение указанных сем в структуре значения единицы будет различным.

Идея структурно-семантической моделируемости фразеологизмов и известной общности в особенностях образования и функционирования одно-модельных единиц сегодня не нуждается в доказательствах. Высказанная

и обоснованная В.М. Мокиенко применительно к русской и — шире — славянской фразеологии [12], эта идея открыла широкие перспективы для разноаспектного изучения ФЕ. И сегодня опыт, накопленный в области структурно-семантического моделирования, находит у исследователей применение для реализации новых возможностей — в частности, для лексикографической репрезентации моделей [13–15]. Взгляд на определенный тип устойчивых единиц в двух проекциях — ретроспективной и синхронической — позволяет выявить продуктивность структурно-семантической модели в языке и вектор ее развития.

Цель данного исследования — проследить устойчивые тенденции и особенности функционирования русских ФЕ с интенсифицирующей семантикой на материале старорусского языка повседневного общения, русского языка XX века и фразеологических неологизмов XXI века. Объектом детального рассмотрения в статье являются единицы, организованные по фразеологической модели *до + существительное в Р.п.*

Материал и методы

Материалом для исследования в первой, историко-ориентированной, части работы послужили данные исторических словарей русского языка и картотека «Словаря обиходного русского языка Московской Руси XVI—XVII вв.»¹, хранящаяся в Межкафедральном словарном кабинете им. Б.А. Ларина² в СПбГУ.

Вторая часть работы, обращенная к особенностям современного употребления ФЕ с интенсифицирующей семантикой, базируется на данных составляемого в настоящее время в СПбГУ «Идеографического словаря русской фразеологической неологии (1980-е — 2020-е гг.)» и обширном материале «Национального корпуса русского языка» (далее — НКРЯ).

Результаты исследования

Фразеологизмы с интенсифицирующим значением в старорусском языке повседневного общения

Русский язык XVI—XVII вв. представляет собой начальный этап формирования национального языка. Под фразеологизмами в памятниках, отражающих деловой язык и язык повседневного общения этого периода, понимаются различные по структуре и степени слитности компонентов устойчивые словесные комплексы, являющиеся базой для формирования фразеологического фонда современного русского языка. Под «устойчивым словесным комплексом» (далее — УСК), вслед за Л.И. Ройзензоном, понимается языковая

¹ Словарь обиходного русского языка Московской Руси XVI—XVII веков. Вып. 1–9. СПб. : Наука, 2004–2020.

² Ларин Б.А. Три иностранных источника по разговорной речи Московской Руси XVI—XVII веков. СПб. : С.-Петербург. Ун-т, 2002. С. 509–658.

единица, воспроизводимая в языке и речи в качестве готовой единицы более сложной организации, чем слово [16. С. 100].

Интенсифицирующая семантика проявляется в разных разрядах УСК. Это идиомы — *кричать во всю голову, кричать в большой голос* ‘очень громко’; стереотипные формулы — *кормиться (скитаться, питаться) Христовым именем* ‘жить подаянием, прося милостыню в крайней нужде’; *взять негде, продать нечего и дать нечего и взять негде* ‘о крайней степени бедности’; *на (великом) жалованье* — формула благодарности (см. о формулах подробнее [17]); парные сочетания (*гнев и ярость* ‘чувство сильного негодования, возмущения, состояние озлобления’); тавтологии (*далече-далече* ‘очень далеко’). Устойчивых сравнений, характерных для современного русского языка, сравнительно немного; ср.: *бояться чего-либо как огня, голоден как собака, голова как пивной котел*.

Интенсифицирующая семантика присуща ФЕ разных лексико-грамматических разрядов — глагольным, именным, адъективным, адverbиальным: *сердце горит* ‘о состоянии сильного волнения, возбуждения’, *горько плакать* (плакаться, восплакаться, рыдать, прослезиться) ‘сильно плакать’, *возлагать* (налагать, наложить, возложить) *раны на кого-что-либо* ‘бить так сильно, что на теле появляются раны’; *из глубины сердца* ‘с сильным чувством, переживанием’; *пьян мертв* ‘об очень сильной степени опьянения’, *безголовые* (безголовные) *беды* ‘очень тяжкие, горькие беды’; *что дале то пуще* ‘об интенсивном развитии событий’.

В исследуемом материале преобладают ФЕ, в которых превалирует коннотативный компонент значения. Это обусловлено тем, что многие единицы употребляются в текстах челобитных, основное предназначение которых вызвать сочувствие в адресате в надежде на его помощь: *А по своей примногой неизреченной милости изволишь припомнить про мое убого сиротство, и я въ безголовыхъ бѣдахъ и въ горькихъ своихъ слезахъ и въ розореньи чють живъ... отъ пажарнова времени, государь, весь розорился безъ аstatку*³.

Обращает на себя внимание в этой связи широкое варьирование компонентов ФЕ и наличие факультативных усилительных компонентов — например, *за (глухой) печатью* ‘запечатанный, без возможности вскрытия’. По справедливому мнению И.И. Туранского, усилительные фразеологизмы «являются весьма распространенным средством интенсификации высказывания и наряду с другими средствами занимают свое определенное место в общей системе форм, способов и репрезентации категории интенсивности» [4. С. 145]. Средства и способы создания усилительности в языке делового и повседневного общения Московской Руси разнообразны: это, например, прием тавтологии (*грабежем грабить, убытками изубытчить*), сдваивание

³ ДАИ — Дополнения к Актам историческим, собр. и изд. Археограф. комис. Т. 1–12. СПб. : Типография 2-го Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1846–1872. С. 199.

синонимов (*незнатно и неведомо*), плеонастическое выражение в сочетании с интенсифицирующим местоимением *всякий* (*изобижать всякими обидами*), усиление негативной оценки чьих-л. интеллектуальных способностей за счет введения интенсифицирующего определения со значением ‘не имеющий ума’ (*дурак безумный*) и т.п. Усилительным является компонент-местоимение *весь* (*кричать во всю голову, кричать во все горло, кричать во весь народ*), ставший одним из наиболее ярких показателей в лексическом составе ФЕ с семантикой интенсивности — ср. ФЕ (*кричать*) *во всю Ивановскую мочь* (*силу*), а также одномодельные выражения, приведенные В.М. Мокиенко: *во всю коневью мочь, во всю конскую прыть, во всю девичью мочь* и др. По его мнению, сила действия в подобных оборотах «запрограммирована их компонентным составом» [18. С. 264].

Рассмотрим фразеомодель *до + имя существительное в Р.п.* на примере ФЕ *до смерти*. Это устойчивое предложно-падежное сочетание в рассматриваемый период многозначно. Его семантическая структура претерпевает изменения, постепенно двигаясь от конкретного (первого) значения, уже содержащего в своем значении — благодаря глаголу-сопроводителю (*убить, губить* и под.) — сему интенсивности, к указанию на значительную протяженность во времени, при которой сема интенсивности занимает периферийное положение. Третье получаемое оборотом значение — чисто интенсифицирующее.

Спектр условий употребления и семантика адвербиальной ФЕ *до смерти* (*-ию*) в текстах памятников выглядит следующим образом: 1. Окончательно (о лишении жизни). *Беглые крестьяне и съ ними гулящие люди... розбили три деревни... да одного крестьянина Гришку Щетника сожгли до смерти*⁴. Характерным является уточнение в контекстах использования результата действия в отношении глаголов *сжечь, убить, задавить, губить до смерти*. Подобное употребление содержит значение интенсивности действия. 2. До конца жизни. *Я тебѣ не отпѣзу ни до вѣку / до смерти / до своего живота*. Разг. Фенне, 381, 1607 г. 3. В высшей степени, крайне, чрезвычайно. *Споры о божественныхъ делехъ до смерти не люблю*⁵. Последнее значение сохраняется у ФЕ и в современном русском языке.

Если в старорусском языке повседневного общения отдельные обороты находились еще только в процессе обретения семантики интенсивности, то в русском языке XX — XXI вв. уже насчитывается значительное количество оборотов с разной степенью кристаллизации семантики интенсивности, составляющих определенный разряд, привлекающий внимание исследователей.

⁴ АИ — Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 1–5. СПб. : В Тип. Экспедиции заготовления гос. бумаг, 1841–1842. С. 181.

⁵ Лудольф Г.В. Русская грамматика 1696 г. (Оксфорд, 1696). Л. : Ленингр. науч.-исслед. ин-т языкознания, 1937. С. 89.

Фразеологические неологизмы конца XX — начала XXI вв.

Осуществляя научное описание состава русской фразеологии, начиная с 60-х гг. XX в., А.Н. Баранов и Д.О. Добровольский отмечали, что «такие смыслы как ‘очень, сильно’, ‘хорошо’ и ‘плохо’ представлены в семантике большого количества идиом, распределенных по самым разным таксонам» [19. С. 46]. Это обязывает лексикографов к введению такой системы отсылок, когда при наличии в значении семы интенсивности ФЕ попадает в таксон «интенсификаторы общего характера». В «Словаре-тезаурусе современной русской идиоматики» в этот таксон включены ФЕ *по самые гланды, за десятерых, как заведенный, на всю (полную) железку* и др. Значителен разряд ФЕ, образованных по рассматриваемой нами модели: *до жути, до безобразия, до неприличия, до чертиков, до самых печенок, до полусмерти* и др. [20. С. 227].

В русском языке конца XX — начала XXI в. отмечается тенденция к расширению круга лексических интенсификаторов за счет «заимствования из некодифицированных подсистем языка» и развития семантики интенсивности у ряда прилагательных и наречий литературного языка [21. С. 221]. Как показывает проводимая в настоящее время под руководством В.М. Мокиенко лексикографическая работа над составлением «Идеографического словаря русской фразеологической неологии (1980-е—2020-е гг.)», ФЕ с интенсифицирующей семантикой широко представлены в различных идеографических рубриках. Приложение трудовых усилий, например, характеризуется с использованием таких ФЕ с усилительным акцентом, как *(работать) как папа Карло, рвать себе пупок* и др. Семантика ‘пьяный’ — в формате критического проявления этого признака — вербализуется оборотами *до остекленения, до ржавых мук, до поросячьего визга, до зеленых чертей, до изумления*. О способности характеризовать предельные проявления признаков или действий в различных сферах свидетельствует широта сочетаемости; ср. для ФЕ *до очумения* — это лексемы *работать, напиваться, выкладываться, заседать* и др., для ФЕ *до опупения* — это слова *втрескалась, загружены, долго, обидно* и т.п.

На особенности функционирования ФЕ, выражающих сильные эмоции и подвергающихся экспрессивному переосмыслению, еще в 1966 г. обратил внимание А.В. Кунин, назвав их фразеологическими интенсификаторами и выделив в них несколько разрядов. В силу утраты компонентами ФЕ их буквальных значений оборот получает целостное интенсифицирующее значение и способность усиливать воздействие сказанного [22]. Позже — при изучении польских устойчивых сравнений — Е.К. Николаевой был введен термин «демотивированный интенсификатор» как номинация семантически опустошенных компонентов сравнительной части, передающих лишь высокую интенсивность проявления признака или действия [23].

Интенсифицирующие выражения — и среди них предложно-именные сочетания, построенные по модели *до + суф. в Р.п.*, включаются исследователями

в разряд ФЕ как обладающие устойчивостью, целостностью и экспрессивностью — обязательным для фразеологизма признаком. Значительное внимание к ним в последние годы — см., в частности, [24–26] и др. — объясняется как их семантической «полифоничностью», так и заметным усилением процессов интенсификации в русском языке и увеличением количества интенсификаторов.

М.В. Сандакова видит семантическую специфичность интенсификаторов в том, что значение интенсивности в них усиливается семантикой предложения *до*, добавочно сообщаящим «значение достижения определенного уровня, преодоления высокой градационной планки» [27. С. 727]. Автор отмечает возможность употребления интенсификаторов «в оценочно чуждом контексте» и тенденцию к преодолению сочетаемостных ограничений, связанных с оценкой, т.е. к оценочной универсализации [27. С. 724]. На наш взгляд, это высшая степень интенсификации: семантика интенсификатора уже вне связи с буквальным значением словосочетания. Такой статус интенсификатора выражение *до жути*, по мнению В.А. Плунгяна, получило уже в начале XX [29].

Важной вехой в изучении этого разряда ФЕ представляется «Словарь русской идиоматики. Сочетания слов со значением высокой степени» Г.И. Кустовой; в него включены не менее 50 интенсификаторов со структурой *до + суш. в Р.п.* (*до боли, до безумия* и др.), хотя некоторые частотные обороты остались за пределами словаря [29].

ФЕ со структурой *до + суш. в Р.п.*, составляющие внушительный пласт неологических единиц, в ходе работы над «Идеографическим словарем русской фразеологической неологии» создают некоторые трудности при решении вопроса об их размещении в границах тех или иных разрядов именно в силу развития ими значений, отличающихся от первичных, и перехода в разряд интенсификаторов.

Анализ употребления подобных единиц в современном русском языке позволяет проследить процесс развития у них интенсифицирующих значений. Рассмотрим в качестве примера контексты использования в НКРЯ ФЕ *до посинения* и *до потери пульса*.

До посинения

Посинение — состояние по значению глагола *посинеть*, т.е. приобрести синий цвет, или очень бледный (если речь идет о цвете кожи), с синюшным оттенком. В НКРЯ это выражение в прямом значении зафиксировано с 20-х гг. XX в.: *Если она перестанет синеть, нужно подбавить едкого натра, до посинения вновь*⁶. Особое употребление словосочетания связано в это время с ситуацией изменения состояния части тела в результате сильного

⁶ Радио Всем, 1926.

физического воздействия, с образованием синяка. Затем он забил себе гвоздь в голову, чуть не выколов глаз, а после этого отбил себе **до посинения** палец⁷.

Со значением ‘до полной потери сил, до изнеможения’ просторечное выражение вошло в словарь «Новые слова и значения — 80» (далее — НСЗ) [30], хотя в НКРЯ контексты отмечены существенно раньше: *Если в спор этот ввязаться, он будет до посинения доказывать, что искусство, стихи, особенно балет — все это никому не нужно*.⁸

В современном языке на первый план выступает интенсифицирующее значение выражения, реализуемое в подавляющей части контекстов НКРЯ (в одном только газетном подкорпусе НКРЯ приведено 133 таких примера) выражения *до посинения*. Ср.: *А можете сидеть и до посинения покупать случайные товары. Если теперь женщине суждено стоять в очередях до посинения, отоваривая визитные карты, муж ведь может и соскучиться*.⁹

Однако в ряде контекстов по-прежнему наблюдается совмещение прямого значения (о цвете кожи с синюшным оттенком) и переносного интенсифицирующего значения: обычно в сочетании с глаголами *пить, бить, пороть, нырять* и др., обозначающими действия, чреватые реальным изменением цвета кожи — в случае их продолжительности, утратой чувства меры. Ср.: *Нырял весь день, до посинения, всё казалось, что вот-вот найдёт, что она ему в руки дастся*¹⁰. «Китайская пытка» — это когда до посинения (жертвы, разумеется) бьют палками по пяткам¹¹. За «чвкашиник» и «шаверму» людей надо пороть до посинения, чтобы <...> называли вещи своими именами¹². Это представляется закономерным, поскольку образную основу выражения составляет восприятие аномально бледного (синеватого) цвета кожи или губ как следствия длительного, сильного переохлаждения и даже смерти. Выражение *до посинения* вписывается, таким образом, в семантическую модель «до смерти», «до смертельной бледности» и имеет в современных текстах значение ‘очень долго, очень много’.

⁷ Русин Н.П. Антарктические тетради : документальный дневник участника Первой Континентальной антарктической экспедиции // М-во природных ресурсов и экологии Российской Федерации, Федеральная служба по гидрометеорологии и мониторингу окружающей среды, Гос. науч. центр Российской Федерации, Арктический и антарктический НИИ. Санкт-Петербург : ААНИИ, 2013.

⁸ Шукшин В.М. Воскресная тоска, 1958. Комсомольская правда, 1962, 1 января, под названием «Приглашение на два лица»

⁹ Толстая Т.Н. Войлочный век. М. : Редакция Елены Шубиной, 2015.

¹⁰ Панчин А. Сумма биотехнологии. Руководство по борьбе с мифами о генетической модификации растений, животных и людей. М. : Corpus (АСТ), 2016. Рэйн О. Айя шамана Арбузова // В. Лебедев / Заповедник Сказок: Избранное. Том пятый (сборник). М. : Para avis, 2015.

¹¹ Пытки именем закона // АиФ, 1998.06.03. Режим доступа: <https://archive.aif.ru/archive/1636928> (дата обращения: 12.01.2024).

¹² <https://mel.fm/gramotnost/chto-eto-znachit/782369>. (дата обращения: 05.03.2025).

В статусе интенсификатора оборот предельно расширяет свою сочетаемость: это, в первую очередь, глаголы — *до посинения работать, копать, спать, звонить, доказывать, ржать, пялиться в бинокль* и т.д. — и существительные с семантикой опредмеченного действия: *Конечно, у нас бывают и конфликты, и споры до посинения, но все они, как мне кажется, — во имя общего дела*¹³. *Раньше с 10 попытки можно было уехать, а теперь столбняк до посинения...*¹⁴

Отдельные случаи использования интенсификатора продолжают удивлять, хотя и укладываются в целом в рамки ставшей привычной семантики; ср. название статьи о последствиях замены маршруток другими видами транспорта, где наблюдается контаминация ФЕ двух продуктивных моделей (ср. *довести до ручки*): Д. Ребров. *Транспорт довели до посинения. К чему привела реформа столичных маршруток*¹⁵. На наш взгляд, это может свидетельствовать о переходе ФЕ из просторечия в разговорную речь.

До потери пульса

Внутренняя форма этого разговорного фразеологизма также связана с представлением о смерти — о ней может свидетельствовать отсутствие пульса, и он может рассматриваться как более экспрессивный вариант идиомы *до потери сознания*, зафиксированной в [28]. Первый контекст употребления ФЕ в НКРЯ датируется 1974 г. (ср. *до потери сознания* — 1855 г.); первая фиксация в словаре НСЗ-80 — со значением ‘очень любить, нравиться и т. п.’ [29]. Позже его значение уточняется: ‘максимально, до крайнего предела, до полного изнеможения, опьянения и т.п.’ [31. С. 205].

По данным НКРЯ, сочетаемость этого фразеологического интенсификатора — преимущественно глагольная — едва ли не безгранична: *до потери пульса работать, петь, удивляться, наестся, влюбиться, хохотать, напиться, искать, тренироваться, спорить* и т.п.

Менее частотны сочетания с наречиями: *Тебе почему-то с утра это важно до потери пульса, а вечером — не важно*¹⁶. *Смешно до потери пульса: баба сидит дома, например, хлопает ресницами в окно, терзаемая тревогами, а мужик приходит домой весь в помаде и духах, придумывает очередную отмазку и ложится спать*¹⁷.

¹³ Караченцов Н. Водка и сцена несовместимы // АиФ, 07.05.2003. Режим доступа: <https://archive.aif.ru/archive/1628804> (дата обращения: 12.01.2024).

¹⁴ Из центра города исчезнут «Газели» (2007). Режим доступа: <https://bvf.ru/forum/showthread.php?t=440104> (дата обращения: 05.03.2025).

¹⁵ Новая газета, 31.10.2016. Режим доступа: <https://zhurnaly-online.ru/gazety/1315-novaya-gazeta-121-ponedelnik-31-oktyabrya-2016.html> (дата обращения: 12.01.2024).

¹⁶ Наш космос 2 (2018–2021). Режим доступа: <https://bvf.ru/forum/showthread.php?t=1151780&page=31> (дата обращения: 12.01.2024).

¹⁷ vk (19.02.2016) (дата обращения: 12.01.2024).

В следующих примерах нельзя не заметить семантического сближения существительных, называющих виды физической нагрузки: *Бег на длинные дистанции, лыжный марафон, работа на даче до потери пульса* противопоставлены¹⁸. *Никаких «сушеных крокодилов», ни отжимания до потери пульса, ни стирания чужого белья по ночам*¹⁹.

Заключение

Таким образом, ФЕ с интенсифицирующей семантикой, образованные по структурной модели «до + сущ. в Р.п.» — это одна из активно функционирующих и постоянно пополняемых групп устойчивых оборотов в русском языке новейшего периода. ФЕ, построенные по данной модели, вызывают затруднения при их лексикографическом описании в силу семантического синкретизма — совмещения прямого значения с новым интенсифицирующим и невозможности их четкой дифференциации в контексте. Проведенный анализ свидетельствует о продуктивности рассмотренной фразеомодели: фиксируется появление все новых единиц, используемых в том числе не только в разговорной речи, что иллюстрирует очевидную тенденцию к повышению накала экспрессивности в речи наших современников.

Список литературы

1. Авилова И.С. Вид глагола и семантика глагольного слова. М. : Наука, 1976.
2. Бондарко А.В. Проблемы функциональной грамматики. Полевые структуры. М. : Наука, 2005.
3. Суворина К.М. Интенсивы в современном английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. н. Москва, 1976.
4. Туранский И.И. Семантическая категория интенсивности в английском языке. М. : Высшая школа, 1990.
5. Бельская Е.В. Интенсивность как категория лексикологии (на материале говоров Среднего Приобья) : автореф. дис. ... канд. филол. н. Томск, 2001. EDN: YKDMTV
6. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена, 2002. EDN: UGQAMP
7. Родионова С.Е. Интенсивность и ее место в ряду других семантических категорий // Славянский вестник. 2004. Вып. 2. С. 300–313.
8. Гриднева Т.В. Фразеологические средства выражения категории интенсивности : автореф. дис. ...канд. филол. н. Волгоград, 1997. EDN: ZKBQCP
9. Давыдова О.Л., Федорова В.П. Семантика интенсивности в структуре значения процессуальных фразеологизмов // Вестник ЮУрГУ. 2006. № 6. Сер. «Лингвистика». Вып. 3. С. 107–110. EDN: KZJYHJ
10. Федорюк А.В. Функционально-прагматические аспекты фразеологических интенсификаторов в современном английском языке: дис. ... канд. филол. н. Иркутск : ИГЛУ, 2001. EDN: QDPPWX
11. Шумейко Ю.А. Лексические и фразеологические средства выражения интенсивности в текстах СМИ // Русский язык. Филологический аспект. 2007. № 1(21). С. 28–24. EDN: XSDGIV

¹⁸ (Если вы «гипер»! // Аргументы и факты, 29.04.2004)

¹⁹ («Солдат Джейн» // АиФ, 19.03.2004).

12. Мокиенко В.М. Славянская фразеология. М. : Высшая школа, 1989.
13. Мокиенко В.М. Структурно-семантическая модель в «Полном фразеологическом словаре русских народных говоров» // Лексический атлас русских народных говоров (Материалы и исследования). СПб. : ИЛИ РАН 2018. С. 305–312. <https://doi.org/10.30842/265861502018725> EDN: XUYUXH.
14. Мокиенко В.М. Фразеологические неологизмы прошлого века: опыт лексикографирования // Третьи Фортунатовские чтения в Карелии : сб. статей. Петрозаводск : ПетрГУ, 2024. С. 12–16. EDN: ZPADFP
15. Никитина Т.Г. Структурно-семантическое моделирование в сфере фразеологии: сорокалетний опыт и перспективы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. № 2. С. 175–197. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-175-197> EDN: WSNTFR
16. Ройзензон Л.И. Лекции по общей и русской фразеологии. Самарканд, 1973.
17. Зиновьева Е.И. Стереотипные формулы деловых документов и памятников обиходного языка Московской Руси XVI—XVII веков (систематизирующий подход) // Научный диалог. 2023. Т. 12. № 2. С. 9–26. <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-2-9-26> EDN: ARCOES.
18. Русская фразеология. Историко-этимологический словарь: ок. 6000 фразеологизмов / под ред. В.М. Мокиенко. М. : Астрель: АСТ: Льюкс, 2005.
19. Баранов А.Н., Добровольский Д.О. Русская фразеология в идеографическом представлении // Славянская лексикология. М., 2022. С. 38–49. https://doi.org/10.31912/slavic_lexicology.2022.38-49
20. Словарь-тезаурус современной русской идиоматики : ок. 8000 идиом современного русского языка / под ред. А.Н. Баранова и Д.О. Добровольского. М. : Мир энциклопедий Аванта+, 2007.
21. Сандакова М.В. Тенденции развития класса лексических интенсификаторов в русском языке новейшего периода // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2020. № 4. С. 217–226. EDN: NKCEJG
22. Кунин А.В. Фразеологические интенсификаторы в современном английском языке // Иностранные языки в школе. 1966. № 1. С. 12–19.
23. Николаева Е.К. О фразеологических интенсификаторах (на материале польского языка) // Вестник Ленинградского университета. 1989. Сер. 2. Вып. 3. С. 74–77. EDN: XVICUZ
24. Ермакова О.П. Переход количества в качество (о природе интенсификаторов) // Логический анализ языка. Квантитативный аспект языка / отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М. : Индрик, 2005. С. 272–279.
25. Кустова Г.И. Количественные значения качественных слов // Логический анализ языка. Квантитативный аспект языка / отв. ред. Н.Д. Арутюнова. М. : Индрик, 2005. С. 295–305. EDN: QZDDHF
26. Горшкова Н.Н. Фразеологические единицы с градуальной семантикой в современном русском языке : автореф. дис. ... канд. филол. н. Москва, 2004. EDN: NHPRVV
27. Сандакова М.В. Дешевый до безобразия (о развитии одной группы интенсификаторов в русском языке XXI века) // Активные процессы в современном русском языке: национальное и интернациональное : сб. науч. ст. / отв. ред. Л.В. Рацибурская. М. : ФЛИНТА, 2021. 719–731. EDN: IOCWQP
28. Кустова Г.И. Словарь русской идиоматики. Сочетания слов со значением высокой степени [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://dict.ruslang.ru/magn.php> (дата обращения: 10.04. 2024).
29. Плунгян В.А. Жуть и жуткий: от мистицизма к просторечию // Авторская лексикография и история слов / ред. Л.Л. Шестакова. М. : Азбуковник, 2013. С. 145–153. EDN: SIRWNV
30. Новые слова и значения : Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 80-х годов / Под ред. Е.А. Левашовой. СПб. : Дмитрий Буланин, 1997.
31. Химик В.В. Толковый словарь русской разговорно-обиходной речи: в двух тт. Т. 2: О — Я. СПб. : Златоуст, 2017.

References

1. Avilova, I.S. (1976). *Type of Verb and Semantics of the Verb Word*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
2. Bondarko, A.V. (2005). *Problems of Functional Grammar: Field structures*. Moscow: Nauka. (In Russ.).
3. Suvorina, K.M. (1976). *Intensives in Modern English* [PhD Thesis]. Moscow. (In Russ.).
4. Turansky, I.I. (1990). *Semantic Intensity Category in English*. Moscow: Vysshaya shkola. (In Russ.).
5. Belskaya, E.V. (2001). *Intensity as a Category of Lexicology (Based on the Dialect of the Middle Ob Region)* [PhD Thesis]. Tomsk. (In Russ.). EDN: YKDMTV
6. Karasik, V.I. (2002). *Language Circle: Personality, Concepts, Discourse*. Volgograd: Peremena. (In Russ.). EDN: UGQAMP
7. Rodionova, S.E. (2004). Intensity and Its Place in a Number of Other Semantic Categories. *Slavic Bulletin*, 2, 300–313. (In Russ.).
8. Gridneva, T.V. (1997). *Phraseological Means of Expressing the Intensity Category* [PhD Thesis]. Volgograd. (In Russ.). EDN: ZKBQCP
9. Davydova, O.L., & Fedorova, V.P. (2006). Semantics of Intensity in the Structure of the Meaning of Procedural Phraseologisms. *Bulletin of the South Ural State University*, 6. “Linguistics,” 3, 107–110. (In Russ.). EDN: KZJYHJ
10. Fedoryuk, A.V. (2001). *Functional and Pragmatic Aspects of Phraseological Intensifiers in Modern English* [PhD Thesis]. Irkutsk. (In Russ.). EDN: QDPPWX
11. Shumeyko, Yu.A. (2007). Lexical and Phraseological Means of Expressing Intensity in Media Texts. *Russian language. Philological aspect*, 1(21), 28–24. (In Russ.). EDN: XSDGIV
12. Mokienko, V.M. (1989). *Slavic phraseology*. Moscow: Vysshaya shkola. (In Russ.).
13. Mokienko, V.M. (2018). Structural-Semantic Model in the “Complete Phraseological Dictionary of Russian Folk Dialects”. In: *Lexical Atlas of Russian Folk Dialects (Materials and Research)* (pp. 305–312). Saint Petersburg. (In Russ.). <https://doi.org/10.30842/265861502018725> EDN: XUYUXX.
14. Mokienko, V.M. (2024). Phraseological Neologisms of the Last Century: Lexicography Experience. In: *Third Fortunatov Readings in Karelia* (pp. 12–16). Petrozavodsk: PetrSU publ. (In Russ.). EDN: ZPADFP
15. Nikitina, T.G. (2020). Structural-Semantic Modeling in Phraseology: Forty Years of Experience and the Prospects. *RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics*, 11(2), 175–197. (In Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2020-11-2-175-197> EDN: WSNTFR
16. Roizenzon, L.I. (1973). *Lectures on General and Russian Phraseology*. Samarkand. (In Russ.).
17. Zinovieva, E.I. (2023). Stereotypical Formulas of Business Documents and Monuments of the Everyday Language of Moscow Russia of the 16th—17th Centuries (Systematizing Approach). *Scientific Dialogue*, 12(2), 9–26. (In Russ.). <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2023-12-2-9-26> (In Russ.). EDN: ARCOES
18. Mokienko, V.M. (Ed.) (2005). *Russian Phraseology. Historical and Etymological Dictionary*. Moscow: Astrel: AST: Lux. (In Russ.).
19. Baranov, A.N., & Dobrovol'skij, D.O. (2022). Russian Phraseology in Ideographic Representation. In: *Slavic lexicology* (pp. 38–49). Moscow. (In Russ.). https://doi.org/10.31912/slavic_lexicology.2022.38-49
20. Baranov, A.N., & Dobrovol'skij, D.O. (2007). *Dictionary-Thesaurus of Modern Russian Idiomatcs*. Moscow: World of Encyclopedias Avanta +, 2007. (In Russ.).
21. Sandakova, M.V. (2020). Trends in the Development of a Class of Lexical Intensifiers in the Russian Language of the Newest Period. *Vestnik of Lobachevsky University of Nizhni Novgorod*, 4, 217–226. (In Russ.). EDN: NKCEJG
22. Kunin, A.V. (1966). Phraseological Intensifiers in Modern English. *Foreign Languages at School*, 1, 12–19. (In Russ.).

23. Nikolaeva, E.K. (1989). О Phraseological Intensifiers (Based on the Material of the Polish Language). *Pushkin Leningrad State University Journal*, Ser. 2, 3, 74–77. (In Russ.). EDN: XVICUZ
24. Ermakova, O.P. (2005). Transition of Quantity to Quality (on the Nature of Intensifiers). In: *Logical analysis of the language. Quantitative aspect of language*, N.D. Arutyunova (Ed.) (pp. 272–279). Moscow: Indrik. (In Russ.).
25. Kustova, G.I. (2005). Quantitative values of qualitative words. In: *Logical analysis of the language. Quantitative aspect of language*, N.D. Arutyunova (Ed.) (pp. 295–305). Moscow: Indrik. (In Russ.). EDN: QZDDHF
26. Gorshkova, N.N. (2004). *Phraseological Units with Graduated Semantics in Modern Russian* [PhD Thesis]. Moscow. (In Russ.). EDN: NHPRVV
27. Sandakova, M.V. (2021). Cheap to Disgrace (on the Development of One Group of Intensifiers in the Russian Language of the XXI Century). In: *Active Processes in Modern Russian: National And International*: L.V. Ratsiburskaya (Ed.) (pp. 719–731). Moscow: FLINTA. EDN: (In Russ.). IOCWQP
28. Kustova, G.I. *Dictionary of Russian Idiomatics. Combinations of Words with a High Degree Value* [Electronic Resource]. URL: <http://dict.ruslang.ru/magn.php> (accessed: 10.04. 2024). (In Russ.).
29. Plungyan, V.A. (2013). Horror and Terrible: from Mysticism to Vernacular. In: *Author Lexicography and Word History*, L.L. Shestakova (Ed.) (pp. 145–153). Moscow: Azbukovnik. (In Russ.). EDN: SIRWNV
30. New Words and Meanings: Dictionary-References Book on Materials of the Press and Literature of the 80s (1997). E.A. Levashova (Ed.). Saint Petersburg. (In Russ.).
31. Khimik, V.V. (2017). *Explanatory Dictionary of Russian Colloquial Speech*: in 2 vols. Vol. 2. : О — Ya. Saint Petersburg: Zlatoust. (In Russ.).

Сведения об авторах:

Зиновьева Елена Иннокентьевна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания филологического факультета, Санкт-Петербургский государственный университет (199034, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9); *научные интересы*: лексикология и фразеология русского языка, лексикография, лингвокультурология; *e-mail*: e.i.zinovieva@spbu.ru
ORCID: 0000-0001-6253-9739, SPIN-код: 9059-2243, AuthorID: 105364.

Николаева Елена Каировна, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка как иностранного и методики его преподавания филологического факультета, Санкт-Петербургский государственный университет (199034, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9); *научные интересы*: русская и славянская лексика и фразеология, лингвокультурология семантика, этимология; *e-mail*: e.nikolaeva@spbu.ru
ORCID: 0000-0002-2449-3490, SPIN-код: 1934-7675, AuthorID: 140305.

Селиверстова Елена Ивановна, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русского языка для гуманитарных и естественных факультетов, Санкт-Петербургский государственный университет (199034, Российская Федерация, г. Санкт-Петербург, Университетская наб., д. 7–9); *научные интересы*: русская и славянская фразеология, лингвокультурология, язык СМИ и художественной литературы; *e-mail*: e.seliverstova@spbu.ru
ORCID: 0000-0003-2020-0061, SPIN-код: 2032-2115, AuthorID: 703459.

Information about the authors:

Elena I. Zinovieva, Dr.Sc. (Philology), Professor, Professor of the Department of Russian as a Foreign Language and Methods of Its Teaching, Faculty of Philology, Saint Petersburg State University (7–9, Universitetskaya emb., Saint Petersburg, Russian Federation, 199034); *Research interests*: lexicology and phraseology of the Russian language, lexicography, linguoculturology; *e-mail*: e.i.zinovieva@spbu.ru
ORCID: 0000-0001-6253-9739, SPIN-code: 9059-2243, AuthorID: 105364.

Elena K. Nikolaeva, PhD in Philology, Associate Professor of the Department of Russian Language and Teaching Methods, Faculty of Philology, Saint Petersburg State University (7–9, Universitetskaya emb., Saint Petersburg, Russian Federation, 199034); *Research interests*: Russian and Slavic vocabulary and phraseology, linguacultural semantics, etymology; *e-mail*: e.nikolaeva@spbu.ru
ORCID: 0000-0002-2449-3490, SPIN-code: 1934-7675, AuthorID: 140305.

Elena I. Seliverstova, Dr.Sc. (Philology), Professor, Professor of the Russian Language Department for the Humanitarian and Natural Sciences Faculties, Saint Petersburg State University (7–9, Universitetskaya emb., Saint Petersburg, Russian Federation, 199034); *Research interests*: Russian and Slavic phraseology, linguoculturology, the language of media and fiction; *e-mail*: e.seliverstova@spbu.ru
ORCID: 0000-0003-2020-0061, SPIN-code: 2032-2115, AuthorID: 703459.